

Екатерина де Гук Дохерти

Апостольская нива

Перевод с английского
Альвины Воропаевой

Текст печатается по изданию:
Apostolic Farming
Catherine de Hueck Doherty (née Kolyschkinе)
Madonna House Publications, 1991

Перевод с английского Альвины Воропаевой
Редактор Анна Годинер

*Посвящение
всем, кто трудился,
трудится и будет трудиться
на ферме Святого Бенедикта*

Екатерина де Гук Дохерти (Колышкина)
1896-1985

Madonna House Publications
2888 Dafoe Rd. RR 2
Combermere, Ontario, K0J 1L0
Canada
www.madonnahouse.org
www.catherinedoherty.org

© online edition, Madonna House Publications August, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

1. Не сердите землю	4
Воспоминания о русской ферме	5
Земля плачет	10
2. Ферма Святого Бенедикта	13
Как сделать ферму христианской.....	16

1. Не сердите землю

Перед моим отцом в непринужденной позе стоял плотного телосложения крестьянин с квадратной бородой, свисавшей до середины груди. Я слышала, как его обычно спокойный голос зазвучал негодуя: «Нет, хозяин, землю сердить не годится. Иначе она нас накажет».

Слова эти поразили меня. Мне было лет тринадцать. Хотелось узнать в тот же вечер, что имел в виду наш управляющий.

Отец улыбнулся, а потом лицо его стало серьезным. Он спокойно, но с глубоким чувством, которого я от него не ожидала, объяснил, что человек – дитя и слуга земли. Земля – наша мать, и, можно сказать, что сельское хозяйство – святой образ жизни, который был задуман Богом для большинства людей. Выращивая плоды земли, чтобы накормить семью и послужить ближнему, человек осуществлял себя как труженик.

Еще он сказал, что труд не проклятие. Трудился Адам, трудился и Сам Бог! Труд – святое дело, особенно на земле. Фермеру нужно быть благоговейным. Бог непосредственно обращался к тем, кто занимался сельским трудом. Он учил их как послушников и дал им множество уроков – молитвы, веры, кроткого послушания Его святейшей воле, почитания всего живого: цветов, деревьев, семян, зерна, животных. Надо ревностно относиться даже к орудиям сельского труда, заботиться о земле и обо всем живом.

Воспоминания о русской ферме

Я вспомнила об этом, когда мы рассуждали о нашей ферме святого Бенедикта со священниками и мирянами, интересующимися сельским хозяйством. Мы сидели допоздна, беседовали о делах, способах обработки и удобрения земли. Вернувшись в свою избушку, я никак не могла заснуть. На память приходило множество образов из далекого прошлого. Они наполнили мое сердце странной печалью. Нахлынули давно забытые картины, звуки и запахи. Я начала понимать, что смущало меня и доставляло странную боль с тех пор, как я появилась в этом новом, прекрасном мире.

Сквозь все воспоминания снова и снова звучали странные слова: «Эта прекрасная страна, эта прекрасная страна». Да, все становилось ясно: необыкновенно богатую и щедрую землю Нового Света разрушал и опустошал человек. Когда-нибудь она отплатит, как это всегда бывает.

Передо мной из прошлого восстала бородатая фигура нашего управляющего. Он обсуждал агрономические вопросы с моим отцом, который владел восьмьюстами акрами пахотной земли, принадлежавшей нашей семье, наверное, с двенадцатого века. Он говорил о каком-то поле, он сказал, что оно больно!

Если вы не привыкли к речи русского крестьянина, то можете подумать, что речь идет о человеке. Как выразился управляющий, земля была черная и мягкая и, хотя выглядела здоровой, на самом деле болела. Нет, она была тяжело больна! Он советовал отцу дать ей отдохнуть, чтобы сон излечил болезнь.

Управляющий сказал отцу, что поле заболело. И все потому, что мы не отдали ему то, что забрали. В прошлом году там росла пшеница, но новый работник не оставил солому после уборки урожая. Крестьянин как врач земли всё повторял, что закон плодородия очень прост: верни обратно то, что взял.

У нас в стойле было тридцать шесть дойных коров. У яловых коров было свое стойло. Еще одно стойло предназначалось для коров с телятами, а моим любимым было стойло, где телят содержали отдельно от матерей. Мне нравилось играть там.

Какими далекими кажутся те дни! Построенные из больших бревен, сараи были такие прочные! Их земляные полы напоминали скалы. Золотистую солому постоянно меняли. Дерево было отполировано как руками работников, так и самими животными.

Бывало, каждое утро кто-то из работников бросал в стойла сладко пахнущее сено. А потом коровы получали отмеренную порцию травы, которую мама называла «зеленой дорогой».

Эта зеленая дорога – простое дело. Были у нас, конечно, поля свеклы, репы и прочего. Конечно, вся ботва, вся сочная трава вокруг дома, все сорняки из огородов и садов и прочая зелень, прекрасно растущая летом, – все складывалось за сараем, и получалось некое подобие «зеленой дороги». Шел снег и уплотнял ее. Потом батраки рубили эту странную массу и для разнообразия давали животным. Им это, конечно же, нравилось.

Я до сих пор ощущаю горьковато-сладкий запах горящего дерева под одним из самых странных изобретений, которые я встречала. Это был огромный чан, прочно вделанный в конусообразное строение из камня и цемента, под которым оставалось место для костра. Взъерошенный мальчишка с самого утра следил за огнем, подкладывая сухие, чистые поленья.

В этот чан шли так называемые отбросы: очистки от картофеля, моркови и тому подобное. Добавлялись соль, вода, и мальчик размешивал эту массу огромной мешалкой. К полудню все было готово, смесь остужали и давали молочным коровам. Вот это десерт!

Меня осенило, что за весь свой сельский опыт в России я никогда не видела кормов в мешках. У нас было сотни две кур, с полсотни уток, с сотню индеек и около сорока гусей. Как я боялась гусей! И никогда не видела, чтобы они проводили лето в заточении в птичнике, построенном по науке, как не видела и того, чтобы их кормили по науке упакованными в мешки кормами. Удобрений в мешках тоже не бывало.

Птицу кормили золотистой пшеницей, серовато-желтым овсом и темно-коричневой гречкой. Их выгоняли пастись на луга. На ночь они возвращались в свои домики, где откладывали яйца. Возможно, расстояние и время заставляют меня вспоминать их как счастливое стадо, как очень довольную стаю птиц. Они проводили свою жизнь, кудахча и делая то, что Бог хотел от них: давали людям жир для воска, яйца, перо и мясо.

В России не было настоящих заборов. Полагаю, что обнести забором участок в тысячу акров обошлось бы в копейку. Но у нас были пастухи и пастушки. Были пастухи и у стада коров в восемьдесят шесть голов, и у лошадей, и у овец. Пастухами были и дети, и старики, и старухи. Им был ведом безмятежный мир, который дает жизнь в молчании, в слиянии с природой и с Богом. Все они были очень набожны, и деревенские жители считали мудрыми даже молодых пастухов. Они пользовались уважением и любили свою работу.

Кроме того, эти люди умели прясть, выстругивать свистки и дудочки, они владели и другими творческими ремеслами, которые в наши дни считаются хобби. Некоторые были даже музыкантами, особенно мужчины. Они делали флейты из камыша и извлекали из них прекрасные мелодии.

Помню старого пастуха, который приходил к нам на кухню играть свои мелодии. Когда я спрашивала, откуда он берет мелодии, он отвечал: «От ветра, деревьев и

шелеста травы. От разговора цветов и журчания ручьев».

Время молотьбы! Был твердый пол из дуба и крыша над ним, а стен не было. Люди с цепями били зерно и в такт ударам пели. Ветер уносил мякину с соломой, а другие люди неглубоко запахивали их в землю, возвращая ей то, что она дала. Иногда осенью, а иногда весной они добавляли темный, тяжелый навоз, который в селе называли «крестьянским золотом».

Привозили на поля и лесной перегной, и иногда болотную жижу, богатую всякими растениями.

Может, это глупо и далеко не научно, но я с ужасом смотрю на химикаты, которыми обрабатывают землю. Мне становится страшно при мысли, что эти мертвые вещества кормят зерновые хотя бы один сезон. Тогда, чтобы вырастить зерновые, овощи, деревья и ягодные кустарники на следующий год, для той же земли нужно еще больше мертвых веществ. Это напоминает младенцев, которых вскармливают смесями из бутылочек, лишая их таким образом полезного и сладкого материнского молока!

Во многих европейских странах, если мать лишилась молока, семья нанимала кормилицу. Люди боялись нарушать закон природы. Но в Новом Свете люди не боятся, чтобы грудь земли была распахана или чтобы дети земли – растения, которые она взращивает, – питались безжизненной пищей их собственного производства.

И еще одно далекое воспоминание связано с человеком с квадратной бородой. На этот раз он обсуждал с моим отцом поле, которое, по его словам, умирало. Он сказал, что это поле и отдых не восстановит. Его надо было исцелять любовью и терпением. Они говорили о деревьях как о лекарстве.

Они решили смешать вечнозеленые и лиственные деревья. Если посадить только вечнозеленые растения,

земля будет кислой. А если с лиственных деревьев будут опадать листья, то они годами будут питать землю.

Я спросила отца, почему он отвел так много места деревьям, которые так медленно растут. Отец ответил: «Земля никогда не торопится, а если человек довел ее до болезни, приходится просить у нее прощения, извиняться перед ней и, чтобы сделать ее опять здоровой и плодородной, начинать все заново».

Однажды мой отец услышал от своего отца историю, которую тот услышал от своего отца! Когда-то большой участок земли сильно заболел. Мой прапрадедушка решил, что единственное средство оздоровить его – посадить деревья. Сам он умер через тридцать лет после того, как были высажены деревья. Его сын, мой дед, дожил почти до восьмидесяти лет и перепахал землю, когда его сыну было шесть лет.

Мой отец помнил, как пришли люди, чтобы срубить эти громадные деревья и перепахать землю. Она снова стала черной, плодородной, полной жизни. На моей памяти это был самый плодородный участок, а может, он таким и по сей день остался. Отец улыбнулся и сказал: «Иногда, чтобы восстановить почву, испорченную одним поколением, требуется четыре поколения».

Земля плачет

Я не очень сведуща в современном земледелии «по науке». Комбайны пугают меня одними своими громадными размерами. Представляю, как плачет земля от их тяжелой поступи. У меня впечатление, что они берут у земли, ничего не отдавая взамен. Лошади, на которых пашут, удобряют почву, руки человека, обрабатывающего землю, действует мягко. И к тому же нет никакой спешки.

Трактора, как бы хорошо их ни делали, обладают каким-то бешеным темпераментом. Никак не пойму эту скорость, скорость ради прибыли и результатов.

Что-то нехорошее есть и в опрыскивании с самолетов, и во всех опрыскивателях, изобретенных человеком. Химикаты впрыскиваются в землю, во фрукты и овощи, в цветы. Непонятно, едим ли мы плоды земли или химикаты, которые Господь никогда не предназначал в пищу человеку.

А насекомых, которых мы в процессе обработки земли уничтожаем? Раньше к пчелам относились с благоговением. У каждого хозяина был пчеловод. Однако мне довелось видеть пчельники, уничтоженные за одно лето на нашей дивной земле новым распылителем, изобретенным ученым, который, наверное, ничего общего не имел с крестьянским хозяйством и никогда не пользовался привилегией трудиться с растениями и насекомыми, созданными Богом.

Помню, в старые времена в России, когда на зерновые нападала ржа, никто и не думал торопиться изобретать ядохимикаты. Каждый шел работать с молитвой и, уважая законы природы, старался вывести пшеницу, устойчивую против ржавчины. Я не уверена, но, по моему, русским это удавалось. Если я не ошибаюсь, прекрасная манитобская пшеница первого сорта с повышенной стойкостью к ржавчине выведена в России

с помощью перекрестного опыления методом проб и ошибок.

Не думаю, что в моем родном языке есть эквивалент английскому слову «chore», означающему тяжелый труд с неохотой, без любви или за плату.

Для нас работа с животными и с землей никогда не была тяжким трудом. Это был образ жизни. Женщины говорили: «Надо идти и освободить моих красоток от бремени». Наверное, это звучит забавно, но ясно, что женщина говорила о дойке коров, причем ее слова показывали, как она любит свой труд.

Животных очень любили и обращались с ними по-доброму. Бабушка говаривала: «Нелюбимая корова будет сухой».

В современной жизни с землей обращаются, как будто это фабрика. Ее ранят машинами. Ее удобряют химикатами, от которых получается обильный, но далеко не вкусный урожай, вредный для здоровья. Земля превращается чуть ли не в поточную линию фабрики по производству синтетических материалов.

Такое положение вещей какое-то время может сохраняться, и человек будет добывать деньги за счет земли. По-видимому, только это его и заботит. Да, фермы могут стать (и уже стали) не гордостью и средством существования, а всего лишь капиталовложением отсутствующего землевладельца, который сам никогда не прожил хотя бы одного природного цикла.

Но долго так продолжаться не сможет. Когда-нибудь земля-матушка рассердится на своих детей и нанесет ответный разрушительный удар. Тогда человек узнает, что значит стать лицом к лицу с рассерженной землей.

Я до сих пор слышу голос старого русского крестьянина, отвечающего на мой вопрос, откуда он столько знает о земле. До сих пор вижу его улыбку, когда он, такой

большой человек, склонился ко мне со словами: «Маленькая женщина, конечно, я знаю землю. Узнаешь ее и ты. Я вышел из земли и уйду в нее. Прах уйдет в прах! По Божьему замыслу, от земли мы явились в мир и таким же образом вернемся к Нему. Это Он поселил нашу душу в дом из дерна. Из него же Он и заберет нас».

Крестьянский труд может быть бизнесом, и весьма успешным, но тот, кто забывает, что это – образ жизни, когда-нибудь заплачет из-за своей забывчивости.

2. Ферма Святого Бенедикта

В Доме Мадонны есть ферма – «Угодья Святого Бенедикта». А все началось с мечты. Когда я говорю «мечта», я имею в виду мысли, которые рождаются в сердце, доходят до разума и опять возвращаются в сердце, чтобы тихонько там вылеживаться, пока Божья рука снова не коснется их – оживит и пошлет мне для молитвы, а потом все повторится: сердце – разум – сердце. Такие мысли я называю «мечтой в Господе и ради Господа».

Когда я говорю «мечты ради Господа», я надеюсь на понимание. По-моему, любовь каждого к Богу должна немедленно находить воплощение. Второе Лицо Пресвятой Троицы воплотилось в Человека благодаря любви. Моя любовь, как и у Иисуса, должна осуществляться в служении, потому что Господь сказал: «Я пришел, чтобы послужить».

Значит, когда я говорю: «Я мечтаю в Господе и ради Господа», – я просто имею в виду, что мечтаю служить Богу в людях.

Возможно, такое вступление необходимо. А, может, и нет. Но мне хотелось изложить его на бумаге, чтобы источник моих мыслей был ясен всем, кто читает историю нашей фермы.

Я мечтала о нашем Доме творчества, как бы вы его ни называли. Я мечтала о нашей сувенирной мастерской. Я мечтала о горе, где они будут построены. Я мечтала, чтобы к нам пришли художники и ученые, и вдруг – о чудо! – эти мечты исполнились. Среди нас есть ученые: отец Пелтон и отец Френсис. Среди нас есть художники. Но о ферме я мечтала прежде, чем стала мечтать о них!

Забавно, но и на жарких улицах Гарлема, и в холодных, пронизанных ветром трущобах Торонто мой разум летел

к родной земле и к нашей усадьбе. Я раздумывала о простоте и благодатной усталости, с которой связан труд всех, кто работает на земле. Некоторыми воспоминаниями я только что с вами поделилась. Да, припомнилось многое, но где, откуда я взяла бы ферму? Однако Бог богов знает, как сделать мечты реальностью.

Помню, как к своему приезду в Комбермер 17 мая 1947 года я заказала саженцы яблонь, и их доставили раньше, чем мы прибыли. Я попросила соседа вспахать и удобрить навозом участок, который сейчас называется садом Святого Иосифа. И еще, когда я ехала из Чикаго в Комбермер, я думала о маленькой ферме – несколько цыплят, поросенок, огород, закладка сада, цветы и пчелы.

Все это осуществилось с 1947 по 1950 годы. В только что заложенном саду появился вначале один улей, потом два. Яблони росли хорошо, но медленно, а в саду Святого Иосифа отлично росли редиска, салат, горох, фасоль, картошка, огурцы и даже грядка клубники. На другом конце участка, возле дома Святого Петра, я посеяла спаржу, посадила красную и черную смородину и садовую малину.

До фермы было еще далеко, но прожить помогало. Денег не хватало, и яйца оказались очень кстати, да и подросшие цыплята тоже сгодились. Стали созревать овощи, и мне самой было интересно за ними ухаживать, пока на помощь не явилась Мэри.

Прошли годы. Я спрятала мечту о настоящей ферме в сердце и ждала мгновения, когда ее коснется Божья рука. И однажды это случилось.

Как-то мистер Фицджеральд, местный житель, подвизавшийся, если можно так сказать, в «торговле недвижимостью», пришел и сказал, что мне нужна ферма. Все во мне воспряло, хотя внешне я осталась спокойной и объяснила ему, что, наверно, не соберу

денег на дорогую ферму. Он ответил, что хочет продать мне ферму Келли.

Когда-то я знала мистера Келли, потому что ухаживала за ним как медсестра. В то время я часто пользовалась санями – в них я обычно и ездила к нему на ферму. Когда я увидела ферму, я вспомнила холм и дом, который я убирала, поскольку он жил один. Мистер Келли был необыкновенный человек. Когда ему перевалило за семьдесят, он пешком ходил в церковь в шести-семи милях от его фермы. Иногда кто-нибудь его подвозил. В ту пору народ здесь был грубый. Но вот мистер Келли умер, и ферма перешла во владение нашего друга Фицджеральда.

Этим разговором он задел меня за живое. И вот Фицджеральд, Ронни, отец Каллаган и я пошли взглянуть на ферму. Она занимала около трехсот пятидесяти акров. Мистер Келли сажал зерновые для корма скота. Ферма нам понравилась, стоила она чуть больше пяти с половиной тысяч долларов. Я молилась, глядя на нее, и сердце подсказывало, что моя мечта по Божьей благодати начала исполняться.

Может быть, вы не поверите, но меньше, чем за два года были уплачены шесть тысяч долларов, и всем стало ясно, что ферма угодна Богу. Я бы сказала, что она рождалась кровью и потом, в бесконечных спорах, часто в отчаянии, но с огромной красотой и настойчивостью.

По-моему, Ронни Мак-Доннел – единственный человек, который помнит то время. Это он первым дал нам трактор.

Мы перевели на ферму коров из Золотого Дома и в дальнейшем – поросят и кур. Довольно долго в Доме Мадонны оставались сад Святого Иосифа и участок возле дома Святого Петра, но и они исчезли в конце концов, потому что все овощи и кустарники были пересажены на ферму.

Как сделать ферму христианской

Давайте на минуту отступим назад и взглянем на ферму, какой я ее себе представляла сердцем и разумом.

Конечно, на ферму можно смотреть с разных точек зрения, но я всегда видела ее с позиций апостольства. Почему? Да потому, что слово «апостол» означает «посланник», который несет Благую Весть. Давайте же остановимся и вспомним.

Какие самые великие вести слышал мир? Разве это не плач Младенца, Который стал Мужем, будучи Богом, чтобы принести нам Истину? Если выразиться на более высоком духовном уровне, Слово Божье слетело с небесного престола, воплотилось в Человека и ходило по земле среди нас: Сын родился нам и отдал нам Себя и Евангелие любви.

Так что по моему разумению, все, что связано с апостольством, связано с Ним и с Тем, Кто есть Любовь. Ведь там, где есть любовь, там Бог, ибо Бог есть Любовь!

Значит, когда мы ставим прилагательное «апостольское» перед словом «земледелие», это означает, что мы занимаемся крестьянским трудом потому, что хотим распространять Благую Весть, нести Бога не только в сельскую местность, но и всем, кто бывает в Доме Мадонны. Мы несем Благую Весть, живя по Евангелию, и самое лучшее место, чтобы жить по Евангелию, – это ферма.

Если задуматься, то Иисус родился в сельской местности и жил там большую часть Своей жизни. Он не был фермером, но в Евангелии очень много примеров из сельской жизни. Иисус говорил о винограднике... Он говорил об урожае... Он говорил о зерне и семенах... о пахоте и так далее!

Он рассказывал притчи о сельском хозяйстве и брал примеры из жизни природы, с которой сельский

труженик постоянно имеет дело и, я надеюсь, обращается уважительно.

Тем не менее, чтобы благовествовать, быть фермером недостаточно, как недостаточно решить стать апостолом и получить соответствующую подготовку. Нужно претворять свои апостольские знания – любовь в сердце – в дела каждого дня.

И снова разум обращается к Тому, Кто дал нам Благоую Весть, которая сделала нас апостолами, к Тому, Кто действительно послал нас быть этими апостолами. Мы видим, что Он жил в бедности, посылал Своих учеников без посохов, без золота, без серебра и даже без обуви. Конечно, они уходили в величайшем сомнении, как было бы и с нами на их месте. Когда они возвращались, в Его голосе была заметна ирония (если мы как следует вслушиваемся в евангельские истории): «Ну, имели ли вы в чем недостаток?» Они отвечали: «Ни в чем»!^{*} Потому и я рассматриваю апостольское хозяйство Дома Мадонны как образ Христова отношения к труду фермера.

Прежде всего я задаю себе вопрос: «Почему мы держим ферму?» Ответ приходит сам собой: «Потому что надо что-то есть». Не все сотрудники апостолата работают на ферме, а кормить их надо, и поэтому нет проще ответа, чем труд. Трудись в поте лица, как должно, и получишь все самым лучшим образом и дешево. Выходит, что наипервейшая причина – необходимость питаться. Да, в ней воплощен дух апостольства – здесь мы лицом к лицу сталкиваемся со своей бедностью, с тем, что все необходимое надо добывать трудом, изо всех сил, иначе придется без многого обойтись.

Итак, мы занимаемся хозяйством. И что это за хозяйство? Это труд на деньги Бога, потому что у нас нет ни золота, ни серебра, ни наемников. У нас могут быть орудия крестьянского труда, но только не

* Ср. Лука 22, 35.

наемники. Порой у нас нет обуви, и мы ходим босыми. Еще раз говорю: мы содержим ферму Святого Бенедикта на деньги Господа, потому что каждый цент, вложенный в нее, – чьи-то пожертвования. Мы стражи каждого цента, полученного от благодетелей, значит мы Божьи распорядители. Кстати, эти центы и доллары превращаются в тысячи и тысячи долларов, которые мы вкладываем в ферму. Давайте никогда не забывать об этом, давайте радеть и распорядиться тщательно и ревностно.

Как и большинство крестьян в округе, мы приобрели бедную ферму. Плохого в этом ничего нет – мы просто стали такими же, как наши бедные соседи.

Да, мы купили бедную, но лучшую ферму в округе.

На самом деле можно одним махом потратить на ферму двадцать четыре или триста пятнадцать тысяч долларов: купить все оборудование, удобрение и прочее, и получится роскошная ферма! Люди скажут, что наша мастерская – просто мечта, которая не возникла бы у фермера ни здесь, ни в Пакистане, ни где-нибудь еще. Так что для начала мы были рады и бедной ферме, потому что апостольское хозяйство, построенное на любви, изобретательно, а апостол – самый изобретательный человек на земле.

Да, любовь творит чудеса. Она создает что-то из ничего. Она узнает, как произвести самую дешевую продукцию. Она копает вглубь ... и постоянно спрашивает себя: «Хорошо ли я работаю? Достаточно ли быстро? Нет ли у меня отходов? Достигаю ли я поставленной цели или зря трачу Божье время – самое драгоценное, что у меня есть?»

Дальше подумайте об апостольском – вернее сказать, о сакраментальном подходе: животные, грабли и машины освящаются, потому что люди, соприкасаясь с ними, благоговеют перед щедростью Бога и действительно

видят их огромную ценность, и в этом они, бесспорно, правы.

Вот мое отношение к апостольской ниве: если люди придут и спросят, как при пустом кошельке мы ухитряемся вести ферму, я отвечу: «Вести ферму, имея деньги, может любой, но апостольское земледелие обходится без денег. Оно ведется с любовью и с молитвой, привлекающей деньги милосердия.

Апостольская нива – любовь, которая изливается на землю и смотрит на нее с благоговением. Ибо знает, что землю создал Бог и она Им любима.

Скажу еще раз: Иисус был очень близок с землей. На ней Он спал. Она служила Ему примером в притчах, как я уже отмечала. Но еще раньше Бог, Пресвятая Троица, создал землю и дал жизнь всему, что на ней растет.

Да, апостольское земледелие должно быть любовью, изливающейся на землю не только, чтобы лелеять ее, трудиться на ней, извлекать из нее все лучшее, не нанося вреда, но и любить ее так, как любит Бог.

Бесспорно, апостольское земледелие – очень медленный процесс и преподносит сельским труженикам уроки, которых нет ни в одной книжке. Оно лишает их начисто множества предвзятых понятий и исцеляет. Тот, кто трудится на земле, откуда бы он ни пришел и куда бы ни возвращался, избавляется от своих ран. Он неведомым образом примиряется с Богом снова идет с Ним в прохладе дня, и вместе с Ним смотрит на творение рук своих.

Апостольское хозяйство – это и любовь человека к собратьям, к земле, и возможность изобретательно проявить ее!

Возьмем, к примеру, хорошего повара. По рецепту требуется пять яиц, но время военное, и яиц нет. Настоящий кулинар испечет торт и без яиц, проявив изобретательность, на которую способен только

искусный повар. Такой метод проб и ошибок, когда стараются не испортить доступные продукты или то, что необходимо для хозяйства.

Трудно объяснить, но я думаю так: сегодня на ферме Дома Мадонны мы учимся, а завтра мы окажемся в Пакистане или в Южной Америке, и у нас не будет ни трактора, ни лошади, ни плуга. Только две руки и совсем примитивные орудия.

Действительно, мы знаем главное, что надо делать. Мы берем примитивные орудия и, если надо, встаем плечом к плечу или по колено в воде, если выращиваем рис, или в песке, если это пустыня Сахара. Вначале мы все делаем медленно, подражая местным жителям. Наше искусство должно сочетаться с глубоким уважением к народу, с которым мы работаем, с сугубой сосредоточенностью и наблюдательностью. Спустя какое-то время мы предлагаем и свои способы, но делаем это деликатно, понятным образом – например, заказываем плуг в местной слесарной мастерской, а деревянные части для него берем в ближайшем лесу и стараемся не обидеть, не выставить себя на показ.

Да, наша ферма – что-то вроде послушничества, и мы особенно стараемся обойтись самыми дешевыми средствами.

Апостольское земледелие – вещь тонкая. Это не самоцель, не простое использование интеллекта более образованных людей. Это обращение к старейшим жителям деревни, к крестьянам, которые уже много лет занимаются сельским хозяйством, но еще не старцы. Образно говоря, мы сидим у их ног и слушаем – деликатно, учтиво, с уважением, потому что в их знаниях столетний опыт и частью они нам полезны. Мы говорим о них, отдаем им должное в свете новых открытий – они могут стать весьма ценными в наших руках. Я понимаю апостольство как источник любви, уважения, когда хочется сидеть у ног ближнего в

постоянной внутренней сосредоточенности, как будто ты проходишь борозду с Богом, непрестанно повторяя молитву: «Господи, научи меня являть Твой Лик всем окружающим меня людям в самом обыденном!»

Закрытый ум, представление, что можно делать только так и не иначе, споры, чтобы все было по-вашему, неспособность сказать: «Я не знаю» или: «Я неправ, давай сделаем по-другому» – трагедия для апостольского хозяйства.

Не будет апостольского хозяйства, если у вас не хватает мужества все время действовать методом проб и ошибок, спокойно переносить бесконечные неудачи, осознавая, что ошибки – это шаги к успеху. Если вы не хотите начинать сначала, сознавая, что, как и все с Богом, сельская нива – всегда новое начало, апостольское хозяйство не сложится. Будет безлика ферма, и, если честно, такое хозяйство не назовешь даже хорошим или экологически чистым.

Давайте возьмем факты. Апостол-фермер – мужчина или женщина, которые любят Бога и настолько чувствуют святость всех Божьих созданий, что ничего не могут оставить без внимания! Как много зависит от этой сосредоточенности, любви, от этого самозабвения, когда отступают собственные трудности! Божьи создания, с которыми соприкасается хозяйство: растения, животные и люди, которых оно кормит, – нуждаются в постоянном внимании.

Насколько я понимаю, апостольское хозяйство развивается медленно, и, прежде чем оно станет кормить братьев и сестер, пройдет много времени. Я считаю, что апостольское хозяйство основано на практических знаниях, полученных опытным путем, когда книжные знания взвешены, опробованы, изменены, приспособлены к новым обстоятельствам.

Здесь нужна широта взгляда, требующая смелости и способности взять на себя ответственность за неудачи. Нужна зрелость ума и сердца, то есть любовь.

Я апостол. Ты апостол. Мы с тобой посланы, чтобы являть Божий Лик в мелочах, во всем, что растет, в молодых животных, за которыми мы ухаживаем, чтобы они давали то, что им положено давать, и кормили людей.

Постепенно мы приобретаем в нашей округе репутацию фермеров, у которых есть то, чего нет у других. Как мы явим Лик Божий бедным, если не будем изобретательны? Повторяю: апостольской ниве очень нужна изобретательность.

Признаюсь, порой меня одолевает желание избавиться от фермы, чуть ли не разрушить ее. Вот маленький пример: в книге написано, что кур надо держать в курятнике круглый год, и приходится тратить на корм огромные средства. А будь у нас изобретательность, мы купили бы кур и выпустили их пастись, как фермеры делали раньше, и потом сравнили бы результаты из книг и вольного выпаса. И выяснили бы, к тому же, нельзя ли заменить корм более дешевым. Вот это я и называю изобретательностью. Я понимаю, что так и произошло, и мы даже начали выращивать зерно кур, что, конечно же, сильно облегчит наши расходы на корм.

И опять я сознаю, что можно вести хозяйство с огромными помещениями, со всем самым лучшим, и все будет направляться к той же досадной цели. Полагаю, что это неизбежно, и все-таки вопрошаю, так уж ли неизбежно.

И где-то в глубине сердца таится боль: думаю, что мы не в полной мере пользуемся изобретательностью любви, чтобы снизить расходы до уровня наших соседей. Люди на нашей ферме привыкнут ко всем

удобствам, а что будет с ними, когда они отправятся на миссию?

Святая бедность – постоянная тема для размышлений апостола-крестьянина. Ему надо вечно задавать вопрос: «Как я могу обойтись без этого? Как заменить его более дешевым?» И снова мы убеждаемся, что странные слова – «изобретательность любви» – в сердцевине апостольского хозяйства.

Апостольское хозяйство требует от фермера полной отдачи. Лучше всего умертвить свое «я», потому что потребности природы, животных лучше любого монастырского колокола напомнят ему о деле данного мгновения. Перед апостолом-крестьянином всегда стоит цель – накормить своих братьев и сестер.

Бичевание вчерашнего дня, унижение, которое по-прежнему стучится в сердца людей, – все есть на ферме при условии, что вы видите людей такими, какие они на самом деле. Но если сельский труд – только мучение, тогда это не апостольское хозяйство. Слово «работа» подразумевает что-то тяжелое, неприятное. Фермер скажет: «Ой, мне надо работать». Он уже добрый фермер, но еще не понимает, что, откармливая свиней, он должен спасать мир.

Господь проповедовал Евангелие. Почему мы встаем, слушая Евангелие? Стоять надо в готовности идти, чтобы не трать зря время, поднимаясь с колен.

Фермер идет целеустремленно. Он не тратит попусту ни мгновения очень дорогого для него времени. Это Божье время, и фермер-апостол, как никто другой на земле, не может трать его зря. Если он упустит день, то лишится сена. Если вспашет чуть-чуть позднее, лишится урожая. Если посеет на час позже, тоже лишится урожая. А если налетит буря, то пропадет весь его труд.

Фермер-апостол знает цену времени, уважает его. Он понимает, что его доля вечности, отпущенная Богом для

возрастания в любви, чтобы стать святым, – удел каждого христианина.

Апостол на ферме должен сделать землю плодородной, и не только трудом, но и собственной жизнью, чтобы те, кто придут после него, поистине кормились плодами его жизни.

Фермер – человек, который кормит людей. Как можно проповедовать Христа на пустой желудок? Образно говоря, фермер владеет ключами к проповеди Христа и кротко, незаметно становится нашим предтечей. Уходя на миссии, члены Дома Мадонны получают ключи к проповеди Евангелия от нашего фермера-апостола, особенно сегодня, когда голодает полмира.

Да, я вижу время, когда члены Дома Мадонны на ферме Святого Бенедикта, как бы обособленной от Дома Мадонны, будут нашими предводителями, а мы – их последователями. Они позовут нас туда, куда ушли сами: на прополку человеческих сердец и огородов. Эти люди будут знать все, а мы станем их послушными слугами. На них, как на спасителей, будут смотреть усталые, больные и голодные люди. Их назовут спасителями на многих языках. Они понесут людям Христа, проповедуя урок Евангелия языком, понятным всем. Когда мусульманин, язычник, чернокожий или белый человек увидят, как наш фермер пашет поле, неважно каким орудием, по его жестам они почувствуют, как наш апостол любит землю. Так человеческая любовь вырастет в сверхъестественную Божью любовь.

Да, кроме наших домов в странах третьего мира, возможно, и нас в недалеком будущем призовут кормить там наших братьев и сестер. Удивительно, что мы не видим этого глазами, а еще удивительнее, что мы не слышим этого ушами наших душ.

Нигде в мире человек не приближается к Богу так сильно, как в деревне, в сельской местности, никогда он

так не близок к Нему, как при возделывании земли или выпасе стада.

Как любил Христос притчи об овцах и разных стадах! Он постоянно рассказывал их. В Его голосе звучала нежность к животным, к земле и ко всем растениям. А у нас есть такая нежность? И такая любовь? И понимание?

Мы говорим без удержу и соглашаемся со множеством полуистин. Я, например, представляю себе, как один наш брат поехал в Гельф, целый год проучился на сельскохозяйственном отделении, потом отбросил все знания и начал сначала, с уроков, которые он получал, сидя у ног кротких и простых фермеров.

Откровенно говоря, от этого учения мало толку. Может, какую-то выгоду извлекут корпорации, что скупили фермы и печатают эти книги, но не мы. Нет-нет. Для нас пользы не больше, чем от поваренных книг, лежащих на кухне, – стряпать по этим книгам очень дорого да и трудно, а мы распорядители денег, полученных даже на стряпню. Чтобы упростить кулинарию, приспособиться, перестроить ее так, чтобы и вы, члены Дома Мадонны, просящие денег у благодетелей, и миссис Мейхью, живущая на пособие, могли есть одно и то же, нужны знания, полученные опытным путем.

Мы должны молиться о даре видения, о даре изобретательности, выбираться из рутины страха, эмоций и на самом деле войти в апостольский мир хозяйства, сделать его производительным, словно вложили в него миллион долларов. Потребуется много времени, но мы войдем в него с любовью и молитвой, а потом честно скажем Господу: «Я усвоил урок кротости, бедности, апостольства и теперь могу идти вперед и учить тех, кто беден, кто беднее меня».

Апостольское хозяйство – средство достижения цели, а не цель. Средства два: кормить и учить, а цель – выразить, как подобает апостолам-наставникам, любовь

к ближнему. Фермер легко узнает это, любя землю и все мелкие дела, связанные с ней. Если не так, он не может быть фермером.

Ничто апостольское не чуждо никому. Было время, когда многие думали, что сельский труд им чужд, но это невозможно: любое апостольское дело – непреходящая ценность. Уборка мусора и разбрасывание навоза так же ценны, как и писание диссертации или другая, работа, которая выглядит почище. В сельском труде нет ничего грязного. Все, с чем соприкасается фермер, чисто, и у всего есть цель. Навоз даст пропитание в следующем году. Поросенок будет съеден. Корова принесет телят, даст молоко и мясо. Все, что есть на ферме, кормит человечество. Как оно может быть грязным, если кормит Храм Божий и позволяет Христу приходить и жить в нем?

К апостольскому хозяйству нужно подходить с великим смирением. Ученый человек, если он действительно ученый, знает, что не знает ничего или очень мало. У фермера-апостола два учителя: Бог и природа, которую создал Бог. Он учится у источника всех школ, где все берет начало, откуда появилось знание, которое позволило человеку покорить землю и взять от нее пропитание. Отсюда он может черпать неиссякаемые знания. Фермер-апостол понимает это, он уважает школу природы, ее опыт, и не боится.

Апостольское хозяйство должно быть в образцовом порядке, иначе как я могу упорядочить человеческую жизнь, если мои инструменты содержатся в беспорядке? Как я приведу в порядок человеческие сердца и умы, если у меня в сарае грязь, коровы не лечены, а лошадь не вычесана? Как я предложу людям Хлеб Жизни, если не забочусь о скоте или неправильно кормлю его? Как я вытащу людей из трясины греха, если мой дом – трясины беспорядка?

Следовательно, порядок в жизни фермера-апостола, который он с радостью принимает – урок, потому что он знает, что беспорядок немедленно отразится и на животных, и на людях.

Если фермер не моет руки, корова может заболеть. Заболеют и люди, пьющие молоко от больной коровы. Если фермер не покормит или перекормит животных, они или умрут, или апостолат вместе с ним будет страдать от бесполезной траты средств. Да, беспорядок нарастает, как вихрь, пока не превратится в атомный гриб!

Фермер-апостол понимает спокойствие Божьего порядка, принимает и отражает его.

Фермер-апостол – человек честный и связан со всем неподкупным. В поле, которое он возделывает, нет ничего нечистого, это сама честность, потому что исходит из рук Божьих.

Фермер-апостол уважает и себя, и все растущее, потому что он имеет дело с таинством жизни. У нас был фильм, где показан весь процесс роста, и кто-то сказал, что не понял происходящего в крохотном ядре зернышка. Скажу откровенно и просто: это Бог.

Фермер-апостол все время касается Бога в таинстве природы и способен с легкостью давать Бога другим, потому что знаком с Ним. Во всем мире только два человека касаются Бога по-настоящему: священник касается Бога в Евхаристии, а фермер касается Бога в Его творении, созданном Его руками.

Апостол-фермер с огромным уважением относится к времени. Он знает, что оно состоит из времен года и часов. Он знает, как его следует использовать. Он не позволяет времени властвовать над собой, но и не делает его своим рабом. Он уважает время. Он не ждет. Он следует его зову неспешно и с радостью, даже если время поднимает его с постели ранним утром и

возвращает поздно ночью. Он знает: это зов Природы, а значит и Бога.

Апостол-фермер говорит с Богом о нуждах подопечных животных, о семенах, которые предстоит сеять. Он слышит голос Бога. Ему не нужны удары колокола, если только он не звонит за помощью в своей человеческой слабости, но с Богом он общается больше, чем кто-либо другой. Значит, ему надо передавать Бога, с Которым общается так непринужденно в работе и в жизни, другим.

Апостол-фермер кроток. Даже если он образован, он никогда не выказывает перед другими фермерами свою ученость с гордой напыщенностью. Он прибегает к кротким улыбкам, к притчам Христа, потому что имеет на это право: он живет этими притчами!

Апостол-фермер понимает людей, как его понимает Бог, и он старается понимать Бога в таинстве жизни на природе.

Апостол-фермер – человек с широким кругозором, потому что перед ним безграничные горизонты земли. Он поднимается на холм и видит еще больше земли, полей, деревьев, помня, что только Бог может создать дерево.

Его кругозор безграничен, и он может передать свое видение другим, тем, у кого нет привилегии изо дня в день соприкоснуться с Божьим творением.

Повторяю: апостол-фермер – человек, который любит бедность и находит удовольствие в том, чтобы созидать ее. Как радостно сделать что-то самому, а не просить безликую машину выполнить это за тебя.

Значит, апостол-фермер – человек изобретательный и творческий, способный в случае нужды (а бедность приводит к нужде довольно часто) создать то, что ему по-настоящему нужно, что находится у него перед глазами и требует действий, чтобы облегчить бремя и

помочь развитию труда. Вот почему те, кто работает у нас на ферме, усердно приобретают дополнительные знания - как паять, как чинить. Я повторяю: фермер – человек творческий и изобретательный. Фермер не может сосредоточиться на себе, если он апостол. От него слишком многое зависит. Его работа слишком велика, чтобы заниматься собой.

Итак, у апостольского хозяйства в Доме Мадонны, на мой взгляд, две цели. Во-первых, обеспечить пропитанием нашу растущую с Божьей помощью семью. Провиант, которым наш фермер-апостол должен обеспечить Дом Мадонны, зависит от промысла Божьего. Он на самом деле узнает, какая еда самая лучшая, как ее получить и так далее, но в окружении братьев и сестер он узнает, как распорядиться добром, которое посылает ему Бог.

Вторая цель – научиться вести хозяйство так, чтобы, придя на край света, дать пищу взрослым и детям, которые во все дни своей жизни испытывали муки голода.

Да, фермер-апостол – человек, который находит удовольствие в бедности, производя все необходимое для семьи самым дешевым способом - но его продукция должна быть максимально полезной для здоровья.

Фермер-апостол – молитвенник. Он знает свою ограниченность и на коленях испрашивает у Бога свет, изобретательность, дар прозорливости, чтобы суметь произвести что-то из ничего. Он отлично понимает, что сам никогда этого не сделает, но с Богом возможно все. Говорят, что с Ним через три минуты невозможное становится возможным! Главное помнить, что сказал Бог: «Без Меня вы не можете делать ничего».

На минуту я отвлекаюсь и с удивлением вспоминаю, как во время Октябрьской революции мы действительно делали что-то из ничего. Я помню пору, когда у нас не было обуви, не было и кожи, чтобы ее заказать.

Становилось холодно, и нас охватило отчаяние: что-то же надо было надеть на ноги! Вдруг мой взгляд упал на оконные шторы, а мама сказала: «Давай сделаем себе туфли из этого бархата». Мы никогда раньше не кроили обувь, но все же сделали по паре средневековых туфель, которые согревали нас. Мы поискали что-нибудь подходящее для подошвы к этим красивым туфлям, чтобы можно было ходить по улице, но ничего не смогли найти. Вдруг мы подумали о линолеуме на полу в кухне. Мы взяли линолеум и сделали подошвы, ведь в такое время было совсем неважно, что он лежит на полу.

Когда мы голодали, а во время революции голод был страшный, мы ели все, что попало. Раньше бы и в голову не пришло есть такое, потому что были продукты. А теперь в пищу шла запаренная крапива, из нее делали суп, ели, как шпинат.

Фермер-апостол – молитвенник. Он использует интеллект, который дал ему Бог, чтобы глубже изучить то, с чем он имеет дело и применить в хозяйстве все, о чем мы говорили. И, кстати, исследования – еще один способ донести Благою Весть до людей, с которыми фермер общается в ходе исследования.

Кроме того, фермер-апостол – неустанный путешественник, совершающий ради Христа паломничество к знаниям – туда, куда за знаниями не ходит никто. Отлучившись от своего хозяйства, он тратит время очень благоразумно.

День за днем он настороже, исследует, хотя бы по почте, все способы и средства сделать невозможное немного лучше и чуть быстрее.

Он паломник Абсолюта, даже если его паломничество состоит в поиске новой ручной мотыги или нового способа удобрения без денежных затрат. Он не знает покоя, потому что в нем огромное беспокойство Бога, Который взывает в вечном поиске душ: «Жажду!» И

фермера всегда одолевает жажда – не своего мнения, а мнений всех и всюду. Он ищет то, что люди узнали за века по всему свету. Он ищет знаний, а потом кротко и благоговейно становится молитвенником, чтобы принести все знания Богу, перед Которым он склоняет голову со словами: «Господи, сделай меня мельницей, чтобы то, что исходит от меня, стало удобрением для Твоего виноградника, для той его части, что Ты дал мне!»

Об этом фермер-апостол говорит с Богом, с Его Пречистой Матерью и святым Исидором, который мог сделать так много из сущей малости.

Фермер – молитвенник и мечтатель.

Если фермер не мечтает, он не добьется большого успеха. Но его мечты должны быть с Богом. Он должен все мечты отдать Богу и просить Его осуществить их. И он не должен мечтать заработать больше денег, чтобы построить что-то грандиозное или покупкой техники облегчить свою жизнь. Он должен мечтать о более простых способах облегчить жизнь других, прибегнув к собственной изобретательности как плоду своей мечты и любви к другим.

Надо помнить, что ферма кормит не только нас, но и других. Мы занимаемся хозяйством, чтобы кормить людей в условиях, о существовании которых вчера даже не подозревали.

Нам неплохо отправиться за знаниями, например, в Гельф и прочие сельскохозяйственные колледжи и университеты, но давайте при этом правильно ставить вопросы: «Сэр, как бы вы вели хозяйство в Канаде сто лет назад? Как бы вы делали это, если совсем нет денег на трактор или удобрения? Пожалуйста, объясните нам».

Ответ можно найти, но за каждый ответ надо молиться, чтобы он стал результативным и приемлемым для нас здесь и сейчас. О знаниях, которые фермер-апостол,

как пчела, собирает отовсюду по крупицам, надо молиться. Их надо проверять на опыте, нужно верить Богу и сказать: «Господи, я бывал в дальних краях, хоть, может быть, только по переписке. Я никогда не бездействовал. Я отгонял мысли о себе самом в сторону. Я искал Твой Лик в природе, в животных, в моих братьях. Позволь мне быть жерновом Твоей мельницы и сделай его пожестче, чтобы я молот добрую муку». Хотя сам фермер-апостол окормляется Вечным Хлебом – пшеницей, он становится хлебом и вином, чтобы кормить людей. Для этого он взрастил себя.

У фермера-апостола глубокие корни. Так же глубока и мысль об апостольской ниве. Но и эти корни, и плоды его трудов, как бы глубоки они ни были, всегда принадлежат Богу, они удобрены всем Божьим: унижением Себя, бедностью, послушанием, целомудрием, пониманием цены времени, благоговением перед всем живым – от семян до животных. Для фермера-апостола даже орудия труда столь же святы, как и алтарная утварь.

Обо всем надо тщательно заботиться. Изобретательность, которую фермер-апостол проявляет утром, днем и вечером, открыта Богу. Паломничество, которое он, побуждаемый Божьим милосердием, совершает, не покидая ферму, – часть его жизни.

Вот как я представляю себе фермера-апостола в Доме Мадонны. Вот как я представляю себе наше призвание. Это человек, который ищет пути сделать ферму богатой самыми простыми средствами, затратить минимум денег и при самых низких затратах накормить своих братьев и сестер, а деньги отправить в другие места, где в них остро нуждаются.

Я вижу нашего фермера-апостола как человека, который учится, но проходит и через суровые испытания и ошибки, проявляя силу духа и мужество.

Я вижу его таким, какой он есть: это человек, готовый пойти и принести людям знания, добытые в поте лица, в кровавом поте его души в маленьком уголке Канады под названием фермы Святого Бенедикта. И когда-нибудь он отправится возделывать не ниву, а мир и нести Благоую Весть всем, кого встретит, если на то будет Божья воля.

Так много у меня мыслей об апостольской ниве, но есть и еще. Если мы осмотримся, то увидим, что среди нас нет единства. Человек одинок, и такого одиночества он не испытывал до наступления века техники. Из этого одиночества и разобщенности возникают насилие и ненависть.

У сельского хозяйства особая роль. Оно позволяет человеку касаться земли, благоговеть перед ней, возделывать ее, извлекая пропитание. Оно связано с самой сутью Бога, Его творением и с тем, что Он дал нам в Своем творении. Он Сам сказал: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле. Вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, и которого плод древесный, сеющий семя; вам сие будет в пищу. А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому гаду, пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу».

Да, через ферму, через крестьянское хозяйство Он дал нам все, чтобы объединиться, но мы многое упустили. Мы стали использовать многое ради выгоды, для стяжания. Огромные комбайны поглотили маленькие фермы, и это опять же признак разобщенности, физической и духовной.

Давным-давно, когда я была далеко от Канады, я мечтала и чувствовала, что ферма, крестьянское, апостольское хозяйство может излечить зло, которое

внедрилось в нас, и принести единство через выращенный хлеб и общую пищу. Как прекрасно делиться пищей с теми, кто не имеет ее!

Если я дам кому-то бушель пшеницы, то в этом бушеле мой труд, мой пот, возможно, слезы, потому что разве я не плакала из-за погоды? Этот бушель пшеницы – часть меня самой, и когда один человек преподносит другому такой дар, он в самом деле отдает себя. Единство – плод такой самоотдачи. Так я думала о крестьянском хозяйстве в былые дни, так думаю и сейчас.

Помню, как в начале тридцатых годов Дороти Дей писала о «возвращении на землю». Я, случалось, разговаривала с ней об этом, отмечая, что у людей нет единства и они занялись хозяйством из-за того, что им некуда податься, и Дороти соглашалась, что у них были препирательства и трудности. И то же самое произошло с отцом Мак-Гойем, который сделал то же самое во время депрессии. Но как только началась Вторая мировая война, на фабриках повысили зарплату и все бросили землю. Это не то апостольское хозяйство, о котором мечтала я.

Когда мы купили ферму, моя мечта сбылась, но я не обманывала себя, зная, что настоящие фермеры сюда не придут, а придут горожане, у которых очень мало знаний о сельском хозяйстве. Так и случилось. Люди приходили, образно говоря, с разных сторон. Они ничего не знали, но учились. Более того, со временем они становились членами общины, изучали апостольское хозяйство, и моя мечта о единстве стала воплощаться в жизнь. Очень многие мужчины и женщины узнали о единстве между теми, кто трудится на земле, и Богом. Познав это, они стали более сплоченными. Созерцать это единство было прекрасно!

Но вот что еще. Фермеры-апостолы стали потихоньку понимать книгу Бытия, где сказано, что мы действительно получили землю, чтобы возделывать ее

нормальными средствами, а не загрязнять, что мы должны отбросить жадность, эгоизм и скупость. Нельзя производить огромное количество продукции с помощью вредных удобрений и пестицидов. Чтобы сделать нашу ферму плодородной снова, причем с помощью средств, которые предусмотрел Бог, требовался болезненный, почти надрывный труд любви.

Так потихоньку поднималось наше апостольское хозяйство, а теперь оно начинает расцветать. Фермеры распрощались со множеством предубеждений, которые крепко засели в головах наших современников, и теперь мы едим более полноценную, более нормальную пищу, которая, хотите верьте, а хотите нет, объединяет людей, потому что в Доме Мадонны очень мало людей, незнакомых с работой наших фермеров. Принимая плоды их трудов, мы все благословляем их и ощущаем свое единство с ними.

Да, я понимаю так, что наша апостольская нива поднимается, если мы слушаем, пребываем в тишине, в молитве Богу Отцу, беседуем с Адамом, рассказываем ему о вскапывании земли.

Я чувствую, что нам нужно возродить землю, потому что Бог Отец хочет видеть ее плодородной, чтобы, возделывая ее, мы осознавали свою высокую привилегию.

В России фермера называют «крестьянином», что в переводе просто обозначает «христианин», и у русских правильная мысль: фермер должен быть христианином. Русское название фермера сродни христианизации мира через сельское хозяйство. Как прекрасно!

Я глубоко понимаю отцовство Бога в фермерском деле. Я вижу истину. Человек – защитник, тот, кто трудом рук своих действительно кормит семью. Вот почему я так остро чувствую, что апостольское хозяйство Дома

Мадонны – это агапе* мессы, потому что месса и еда связаны друг с другом. То же самое и труд в этом хозяйстве. Хотя все гораздо глубже, чем могут выразить слова. Если ферма ведет к единству, о котором я давно мечтала, к единству человека с Богом и землей, к единству людей с природой, я уверена: можно увидеть, как в сердце человека снова зарождается изумление.

Изумление перед возрождением жизни по весне. Изумление перед осенней красотой, когда опавшие листья удобряют землю. Теперь, когда фермер-апостол способен изумляться, он видит тысячи удивительных вещей. Они открываются по Божьей благодати. Человек знает, что теперь он должен передать все это другим, тому миру, который перестал удивляться.

Однако мое видение фермы и сельского хозяйства идет глубже, намного глубже – в сердце Бога.

Он создал нас, и любой человек, размышлявший над книгой Бытия, поймет это и придет к Божьей истине.

Эту истину нельзя исказить, но, к сожалению, сегодня так происходит на каждой ферме. Люди делают ветчину, начиняя поросят антибиотиками и водой для большего веса и выгоды. Эта ложь распространяется на всех животных и изливается на людей – она ведет не только к болезни тела, но и, конечно, души и разума. На наших фермах так не должно быть. В нашем апостольском хозяйстве мы не можем лгать. Истина – содержание труда нашего фермера. Например, лучше отпустить кур на вольный выпас, чем держать в клетке и кормить. Бог знает чем, и тогда они снесут больше яиц. Уж лучше нам иметь меньше яиц, но быть честными перед Богом, чем иметь много, но лгать.

Вот какие мысли меня посещают, когда я думаю о сельском хозяйстве как об образе жизни, который объединяет в современном мире. Давайте поможем ему

* Агапе – вечеря (греч.).

вернуться к маленьким фермам, покончим с комбайнами, с ложью, с жадностью и с эгоизмом.

Сельская нива – алтарь, на который можно ставить только хлеб и вино истины.

КНИГИ ЕКАТЕРИНЫ ДЕ ГУК ДОХЕРТИ (КОЛЫШКИНОЙ) НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Апостольская нива
(только в интернете)
- Беседы на Страстной Неделе
(только в интернете)
- Дорогой отец
(в интернете и как печатные издания)
- Дорогой семинарист
(только в интернете)
- Истории русской странницы
(в интернете и как печатные издания)
- Каждый день – благодать
(только как печатные издания)
- Крестный путь
(в интернете и как печатные издания)
- Молчание Бога
(только в интернете)
- Моя Вчерешняя Россия
(только в интернете)
- На груди Господа
(только в интернете)
- На кресте отверженности
(только как печатные издания)
- Пустыня
(в интернете и как печатные издания)
- Рождественские колокола
(в интернете и как печатные издания)
- Самородки
(в интернете и как печатные издания)
- Сердце Богородицы
(в интернете и как печатные издания)
- Свет надежды
(только в интернете)
- Странник
(только в интернете)
- Юродивые Христа ради
(только в интернете)

По территории России эти книги вы можете заказать наложенным платежом по адресу:

123104 г. Москва,
а/я 24

Или по электроне почте post-katalog@yandex.ru

По вопросам приобретения книг обращаетесь по адресу:

Книжный магазин «Primus Versus»
Покровка, 27, стр. 1,
105062 Москва
Тел. (495) 223 5810
E-mail: primusversus@mail.ru
Website: www.dbiblio.org

Адрес в России Дома Мадонны, общины основанной Екатериной де Гук Дохерти:

660021 г. Красноярск
Дом Мадонны
Проспект Мира, д. 158, кв. 12
E-mail: mhkrasnoyarsk@mail.ru
E-mail: russia@madonnahouse.org

За пределами России заказывайте книги по адресу:

Madonna House Publications
2888 Dafoe Rd. RR 2
Combermere, Ontario K0J 1L0
Canada